

УКД 001.85 : 336.012.23

**ЯВНЫЕ И НЕЯВНЫЕ ТЕРМИНЫ-ОКСЮМОРОНЫ КАК ПРИЗНАК ПОКАЗАТЕЛЬНО
ПАРАДОКСАЛЬНОГО ТЕРМИНИРОВАНИЯ В СЛОЖНЫХ И ЭКЛЕКТИЧНЫХ
ПРЕДМЕТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ,
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА, ПОВЕДЕНЧЕСКИХ И КОРПОРАТИВНЫХ ФИНАНСОВ**

Кривуля П. В., Бородавка Н. Г., Омельченко А. Н.

**EXPLICIT AND IMPLICIT TERMS-OXYMORONS AS AN EXAMPLE
OF SIGNIFICANT PARADOXICAL TERMINATION OF COMPLEX AND ECLECTIC
RESEARCH SUBJECTS: SUSTAINABLE DEVELOPMENT, HUMAN CAPITAL,
BEHAVIORAL AND CORPORATE FINANCE**

Krivulia P. V., Borodavka N. G., Omelchenko A. N.

Выдвинута и аргументирована научная гипотеза о возможности идентификации уровня развитости и эклектичности современных предметных областей по степени представленности терминами-оксюморонами понятийно-категориальных аппаратов этих предметных областей. Особое внимание уделено предметным областям, которые непосредственно названы такими терминами. В качестве примеров взяты формирующиеся в настоящее время предметные области устойчивого развития, корпоративных финансов, человеческого капитала, организационной синдики и некоторые смежные с ними.

Ключевые слова: корпоративные финансы, оксюморон, терминология, устойчивое развитие, человеческий капитал.

Введение в вопрос. Предметы современных исследований становятся всё более комплексными и сложными, зачастую междисциплинарными, увязывают большое количество объектов, частных предметных областей, факторов, акторов, потенциальных взглядов и интересов. В то же время и такие комплексные сложные предметы исследования, хотя и относятся к разным научным областям и пользуются разными научными положениями, терминологией, методологиями, системами целей и традициями в формировании картин мира, но и они начинают оформляться как некоторые новые предметные области, выстраивая свои собственные методологии и свои собственные понятийно-категориальные аппараты.

Следует признать, что новым предметным областям свойственны некоторые отличительные черты, по которым можно судить о степени их развитости: молодые научные области более эклектичны, поскольку являются чаще всего стыковыми научными областями и не обладают

достаточно оформившейся собственной методологией. Причем развитость или неразвитость таких научных дисциплин не всегда может свидетельствовать о качестве научных положений, обсуждаемых представителями этих наук, поскольку нестрогость и спорность этих положений часто сопровождается высокой актуальностью поднимаемых вопросов и востребованностью пусть и несовершенных, но востребованных результатов. Однако проводить в полном объёме анализ строгости научных положений, их актуальности и практического значения не всегда представляется возможным, иногда просто из-за недостаточности располагаемого материала. В таких случаях достаточно проводить экспресс-анализ для достаточных, а не полных выводов, которые могут потребоваться при принятии решений о привлечении экспертов из той или иной новой научной области, или при принятии решений о финансировании тех или иных научных проектов (речь ведь чаще всего идёт о финансировании новых и актуальных исследований, в которых пока ещё не получены достаточно уровня апробации научные результаты, а ожидаемые результаты и вовсе спорны или даже неожиданны для некоторых участников).

Такой экспресс-анализ может использовать методы контент-анализа текстов обоснований исследовательских проектов и заявок на их финансирование. Однако контент-анализ может опираться на вторичные признаки тех или иных текстов, – на признаки, которые легче выявлять, но которые сами по себе могут не быть достаточной аргументацией в пользу наличия главных выявляемых свойств подвергаемой экспертизе

предметной области, но их появление часто коррелирует с другими признаками, которые и требуют выявления. В работе представлена гипотеза о существовании одного из таких косвенных признаков – более частом использовании в эклектичных предметных областях терминов-оксюморонов. Хотя под оксюмороном в его базовом понимании понимают нелогичность или даже нелепость: «Оксюморон, оксиморон, а также оксюморон, оксиморон (др.-греч. ὀξύμωρον, букв. «остроумная глупость», от др.-греч. ὀξύς «острый» + μωρός «глупый»), до кажущейся нелепости заострённое выражение, образное сочетание противоречащих друг другу понятий; остроумное сопоставление противоречивых понятий, парадокс; стилистическая фигура или стилистическая ошибка — сочетание слов с противоположным значением (то есть сочетание несочетаемого)» [6], – но в оксюмороном как объективном языковом явлении проявляются не только парадоксальность и нелепость, а и положительные черты фигуральных выражений. Так, согласно Г. Я. Семену: «Оксюморон представляет собой средство создания алогизма в контексте, основанное на противоречии. Характерными чертами этой группы средств выступают, в первую очередь, наличие противоречий между отдельными составляющими контекста и, как следствие, эксплицитно выраженное или имплицитно подразумеваемое отрицание одних текстовых составляющих другими, а также одновременная реализация отношений «контраста и тождества» между элементами контекста» [12]. Такая характеристика позволяет предполагать, что выявленные факты проявления оксюморонов в терминологии, могут выявлять как неудовлетворительность состояния терминов-неологизмов, так и потребность проявления такого явления в терминологии новых предметных областей. Однако требуется установить, с какими признаками новых предметных областей может коррелировать более частое использование терминов-оксюморонов, и можно ли считать наличие терминов-оксюморонов явным признаком, поддающимся учёту в ходе контент-анализа.

Обзор и анализ текущего состояния решения вопроса. Термины-оксюмороны, на которые следовало бы обращать внимание в рамках проводимого исследования должны относиться к новым предметным областям науки. Однако все предметные области науки когда-то были новыми и потенциально можно было бы проводить обзор с учётом динамики характеристик новизны и актуальности предметных областей, – от новаторских до устоявшихся. Если первые результаты проводимого исследования получают положительную оценку, то можно будет провести исследование в таком расширенном масштабе. Одним из примеров уже сформировавшейся предметной области, соответствующей признакам наук, появившимся как комплексные и

междисциплинарные (и потому потенциально также и эклектичные), может служить *кибернетика*, ставившая задачи выведения универсальных для всех разнородных объектов законов управления. Примером ещё только формирующейся (но в значительной мере оформившейся) такой предметной области могут выступать *рискология* и *синдиника*, которые пытаются моделировать действие факторов риска совершенно разной природы в одной методологической картине мира. А наиболее показательным примером современной сложной эклектичной предметной области может выступать практическое и научное направление *устойчивого развития*, – в силу относительной молодости этой научной области она и привлекает внимание как один из потенциальных источников первого эшелона примеров терминов-неологизмов, и в частности терминов-оксюморонов для обзора и анализа первичной стадии исследования гипотезы.

Решая всё более сложносоставные научные проблемы, учёные, занимающиеся этими вопросами, вынуждены заниматься всё более сложными противоречиями, ставить задачи, всё более насыщенные парадоксальными установками и даже возможно неразрешимыми в рамках использования располагаемыми в настоящее время методическими средствами. И одним из аспектов такого явления выступает то, что такие сложные предметные области порождают термины-оксюмороны, которыми зачастую сами и называются.

Хотя оксюмороны часто используют как некоторый более мягкий по коннотации синоним термину «катахреза», но в лингвистике оксюморон понимается как вполне функциональная в языковом смысле фигура речи. Функциональная – это значит, что в отличие от катахрезы несёт пользу коммуникантам, поскольку позволяет выразить необходимый в конкретной коммуникативной ситуации смысл. Вот, что об этом говорят лингвисты: «Оксюморон раскрывает противоречивость описываемого явления, поскольку является «фигурой речи, соединяющей два антонимичных понятия или два слова, противоречащих друг другу по смыслу» [2, с. 286]; «Оксюморон реализуется в рамках словосочетания и предполагает сознательное использование автором не прямой номинации смысла. Он относится к фигурам противоположности, в основе которых заложен принцип совмещения лексических значений, обуславливающий возникновение третьего предметно-смыслового образа» [3, С. 176]; «Для оксюморона характерно намеренное использование противоречия для создания стилистического эффекта; с психологической точки зрения оксюморон представляет собой способ разрешения необъяснимой ситуации» [8]. Таким образом можно и следует предполагать, что использование терминов-оксюморонов вызвано объективной потребностью терминования в некоторых предметных областях, а не только

вызвано невольной или некомпетентной катахрезой отдельных терминотворцев. Однако, прежде чем научиться отличать термины-оксюмороны от терминов-катахрез следует обосновать то, что явление показательно противоречивого терминования вообще имеет существенную представленность в современном терминовании.

Примерами таких терминов могут быть собственные названия концепций монополистической конкуренции (*монополия* и *конкуренция* – антонимы), эгоистического альтруизма (*альтруизм* и *эгоизм* – антонимы), устойчивого развития (соединены качественно неизменное и качественное изменение – именно этот вопрос в сущности открыл обсуждение вопроса объективности формирования терминов-оксюморонов), человеческий капитал (в экономической теории *труд* и *капитал* являются традиционно противопоставляемыми факторами производства) а также многие другие (иногда достаточно новые) термины экономической науки, которые являются неявными оксюморонами: внутренние экстерналии (то есть буквально *внутренние внешности*), нормы отклонений (*норма* – это то, что встречается наиболее часто, то есть семантически противопоставлено *отклонению*), стратегии примирения (*стратегия* – это способ поведения во враждебных отношениях, а *примирение* подразумевает прекращение такого поведения), гендерное равенство (*гендер* – указатель на различность социальных ролей в дискурсе, и *равенство*, используемое нарочито вместо *равноправия* и указывающее на неразличность) и т. д., и т. п. Именно такая множественность оксюморонов среди современных терминов-неологизмов и предопределяет интерес к этому явлению, мотивируя фокусировать внимание на связанных с появлением таких терминов характеристиках научного текста. Наиболее просто такой интерес может быть представлен вопросом: почему такие термины-оксюмороны возникают и закрепляются в современной терминологии? Остальные вопросы детализируют предметную область и уточняют направления исследования вопроса, – в частности вторичен и вопрос о зависимости количества терминов-оксюморонов от степени развитости и степени комплексности научной области. Пока же вопрос можно считать неисследованным, поскольку контент-анализ научных текстов и проектных документов (от заявки до отчётов и актов приёмки) с учётом количественных и качественных параметров использования оксюморонов не применяется для установления качества документов и характера динамики зрелости научной области. Не развит инструментарий оценок, определяющих или указывающих на то, в какой степени устоялась терминология предметной области. Использование терминов-оксюморона для этих целей является новаторской гипотезой, требуются дополнительные

исследования возможности аналитического обоснования, проработки и проверки экспериментальных данных.

Цель статьи. Исходя из выявленных фактов, подтверждающих гипотезу, может быть поставлена задача обоснования разработки ряда положений, закономерно характеризующих использование выявления и анализа случаев использования терминов-оксюморонов в анализе научных текстов тех или иных предметных областей. Сама такая задача, с одной стороны, входит в состав задач проводимого исследования составления критериальных систем показателей междисциплинарных исследований, а с другой стороны, может быть разбита на ряд подзадач, среди которых в первую очередь выдвигаем такие частные задачи, которые касаются предлагаемого ко вниманию вопроса показательного или даже нарочитого использования парадоксальных терминов в наименовании современных комплексных и междисциплинарных предметных областей: 1) ставим задачу показать, что такое явление объективно и даже, возможно преследует некую цель (возможно неявно декларируемую), – например, акцентировать внимание на сложности самых главных из разрешаемых в новой предметной области противоречий; 2) ставим задачу показать, что это явление распространено несколько более широко и присутствует даже там, где может не бросаться в глаза, т. е. степень явления может быть различной, и в силу этого свидетельствовать о разном; 3) ставим задачу установить связь комплексности признаков предметной области и используемых в этой предметной области терминов. Решение таких частных задач должно быть проведено на отобранных примерах, которых должно быть достаточно представительное число, и которые должны характеризоваться разной степенью принадлежности к оксюморонам. Анализ использования терминов-оксюморонов на данном этапе исследования может быть только качественным в силу языкового характера вопроса и наличия пока возможности только качественно устанавливать, является ли тот или иной термин оксюморонам.

Основная часть. Решая вопрос, почему такие термины-оксюмороны возникают и закрепляются в современной терминологии, были поставлены задачи исследования содержания тех из них, которыми озаглавлены актуальные направления исследования. Хотя парадоксальность некоторых терминов бросается в глаза всем пользователям этого термина и достаточно часто становится предметом обсуждения, хотелось бы также обратить внимание и на неявные термины-оксюмороны, что предопределило постановку второй задачи. Примером, используемым при решении первой частной задачи, выступал термин «устойчивое развитие», наиболее распространённый украинский вариант которого («сталий розвиток») является

примером очевидного термина-оксюморона, но русскоязычный и особенно англоязычный аналоги нельзя отнести к явным примерам этого языкового явления. Однако устойчивое развитие – это не просто термин, а и название большого научного направления, поэтому примером, используемым при решении первой частной задачи, выступил именно термин «устойчивое развитие».

Как указывает Е. Логунцев: «Концепция устойчивого развития была сформулирована как способ преодоления главной для современной цивилизации экологической угрозы, существовавшей в виде некоей теоретически обоснованной опасности, осознаваемой сравнительно узким кругом ученых и политиков и связанной с перенаселением, с невозможным расходом природных ресурсов и с загрязнением окружающей среды». [10] Определения устойчивого развития обычно не имеют существенных отличий, потому что опираются на определения, зафиксированные в документах ООН. Поэтому проводить их обзор не представляется необходимым и достаточно привести показательный пример, – например, такой: «Устойчивое развитие – это удовлетворение потребностей настоящего времени, при котором не подрывается способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [4, с. 50]. Основная концептуальная сложность интуитивного восприятия термина (или, что то же самое: непосредственной ориентации термина на своё семантическое значение) заключается в том, что понятие «устойчивое развитие» включает в себя два терминологических элемента: «устойчивость» и «развитие». При этом ряд авторов (Н. Н. Моисеев, Е. Л. Цай, Н. Давыдова) считает их взаимоисключающими и отмечает, что «устойчивого развития просто не может быть – если есть развитие, то стабильности уже нет» [5]. А Т. И. Костина, Н. М. Мамедов, напротив, отмечают, что «устойчивость не предполагает отсутствия роста. «Устойчивое общество будет заинтересовано в качественном развитии, а не в физическом росте» [9]. Украинский вариант термина «устойчивое развитие» – «сталый розвиток» – является образцом очевидного термина-оксюморона, поскольку «сталый» значит неизменный (сохраняющий один и тот же состав, одну и ту же структуру), что есть невозможным при развитии, т. к. оно подразумевает процесс не просто количественного, а обязательно и качественного перехода из одного состояния в другое (дополнение, усовершенствование). Русскоязычный и особенно англоязычный аналоги нельзя отнести к явным примерам терминов-оксюморонов, потому что слово «устойчивый» не так категорично и не так узко в семантическом плане, как украинское «сталый», поскольку может восприниматься как способность проявлять эту способность в будущем (а «сталый» – это следствие прошлых процессов), и кроме того, «устойчивый» воспринимается двояко: как

«непоколебимый», но одновременно и как «гибкий» (непоколебимость и гибкость сами по себе являются антонимами в части аспектов, то есть слово «устойчивость» – это своеобразный неявный семантический оксюморон, или что точнее: амбивалентное обозначение), что в свою очередь менее безапелляционно чем «неизменный». Разница между «сталый» и «стійкий» в украинском языке примерно та же, что и между «устоявшийся» и «стойкий» в русском языке, – разница и во временном аспекте (*устоявшийся* выражает некоторый настоящий результат прошлых процессов, а *стойкий* – настоящую способность к некоторым будущим проявлениям), и в аспекте комплексности (*устоявшийся* выражает общую характеристику, а *стойкий* – частную способность).

При анализе предметной области «устойчивого развития» было обращено внимание на отличия в предметных фокусах работ, опубликованных в украинских научных работах за период 2010-2014 годов и посвящённых вопросам «сталого розвитку» и «стійкого розвитку»: хотя подразумевается одна и та же предметная область, но тематика статей, использующих термин «стійкий розвиток» тяготеет к использованию методов экономической кибернетики, в то время как в работах, использующих обозначение «сталый розвиток» прослеживалась близость к эколого-биологической тематике и репрезентации деклараций международных институтов применительно к их имплементации в условиях Украины. Следует учитывать и тот момент, что англоязычный и русскоязычный аналоги термина характеризуются разной степенью явности отношения этих терминов к языковому явлению оксюморона. Так англоязычный термин «sustainable development» почти лишён таких признаков – он либо неявный термин-оксюморон, либо вообще следует признать, что он не оксюморон. В русскоязычном термине «устойчивое развитие» уже проявляются признаки термина-оксюморона. В украинских же вариантах термина эта степень существенно разная: если термин «стійкий розвиток» следует разместить между «устойчивым развитием» и «sustainable development», – то есть в нём ещё меньше признаков термина-оксюморона, чем в русскоязычном термине, хотя он является буквальным переводом с русского, – то вариант термина «сталый розвиток» обладает более явными признаками оксюморона. На основе этого, с одной стороны, можно выдвинуть гипотезу о том, что разные национальные научные школы в различной степени созрели к исследованиям в той или иной тематике (что может объясняться различиями в институциональной среде и разной степенью развитости общественно-экономических формаций), а с другой стороны, этим можно объяснить то, что состав публикаций, использующих разные варианты украиноязычного термина, отличаются по используемой методологии (хотя это объяснение также пока гипотетическое). В

пользу тезиса о степени зрелости национальных научных школ можно привести пример постепенной смены доминирования использования термина «stały gozwoj» на использование вариантов «zrównoważony gozwoj» и «trwały gozwoj» в польском языковом поле: первый вариант польскоязычного термина, видимо, как раз и повлиял на появление одного из украиноязычных, в то время как новые варианты термина уже не проявляют явных признаков оксюморона.

Такой анализ примера с разными вариантами терминологии устойчивого развития позволяет заключить, что в целом следует дать положительный ответ на первый вопрос, предопределивший первую задачу данного этапа исследования. Следовательно можно считать, что допустимо и оправдано переходить к решению задач, продолжающих направление, определяемое первой задачей, а также, что допустимо и оправдано осуществлять поиск возможности перехода от строго качественного анализа к использованию и количественных методов поддержки исследования.

Примером, используемым при решении второй частной задачи, выступил термин «эффект диверсификации», – его выбор был предопределён отчасти и тем, что он близок тематике исследований организационной синдиники, а через неё – тематике устойчивого развития, то есть такой выбор должен был предположительно способствовать и решению третьей задачи. Выбор терминов, предлагаемых к разбору, в значительной мере выявил их большую частоту в тематиках, связанных с социальными аспектами экономики и управления, а также с финансовыми. И хотя при том, что финансы часто воспринимаются как область достаточно формализованная, использующая развитые концепты учёта и развитый специализированный математический аппарат, но именно в финансах (как в разновидности отношений людей по определению) часто проявляется неразрешённость некоторых актуальных научных задач, предопределённых развитием социальных отношений. Именно такое развитие предопределило возникновение и концепции устойчивого развития, и возникновения ряда терминов современных финансов, в том числе поведенческих финансов, формирующихся как предметная область на стыке собственно финансов и институциональной экономики (то есть экономики, возникшей в силу выдвижения тезиса о доминанте социологических исследований над экономическими). Именно в этих современных направлениях возникает большое число терминов-неологизмов, среди которых и можно выявить некоторое число терминов-оксюморонов. Большая часть из них являются неявными терминами-оксюморонами. К таким менее явным терминам также относятся и два связанных на наш взгляд термина «человеческий капитал» и «корпоративные финансы», парадоксальность которых не так уж очевидна. Также неочевидна и их принципиальная

связанность, которую следует аргументировать и которая, на наш взгляд, определена той же природой, которая стала причиной их наименования посредством оксюморона, – разбор такой связи относится к области решения третьей задачи.

В дополнение к комплексу оценок экономической эффективности всё больше добавляется комплекс оценок экономической устойчивости, то есть всё больше распространяется применение этого вспомогательного комплекса оценок. Потребность в таком дополняющем комплексе оценок актуализирует задачи развития системы показателей экономической устойчивости и развития понятийно-категориального аппарата предметной области экономической устойчивости до уровня развитости, адекватного развитости комплекса основных критериев. Однако на пути такого развития возникают естественные препятствия, отражаемые и в новой терминологии.

Диверсификация как экономическое явление и метод снижения рисков играет важную роль в проблематике экономической устойчивости, а оценка эффекта диверсификации является одним из основных критериев обоснования использования метода диверсификации. Таким образом термин *эффект диверсификации* имеет важное значение в этой предметной области. Но в то же время следует отметить, что система оценок экономической эффективности и система оценок устойчивости и риска являются противопоставляемыми, конфликтующими между собой: применение комплексов мероприятий по повышению эффективности чаще всего повышают уровень риска, а применение комплексов мероприятий по снижению уровня риска чаще всего снижают экономическую эффективность и оцениваются с точки зрения показателей экономической эффективности негативно.

При этом обозначение «эффект диверсификации» является дериватным термином от термина «эффект», от которого также происходит и термин «экономический эффект», прямо относящийся к формированию категории «экономическая эффективность», то есть он относится и по области применения, и по происхождению к двум разным противопоставляемым предметным областям формирования экономических оценок. В то же время явность оксюморона нельзя признать, поскольку термин «эффект» имеет и более общее значение результата, соответствующего цели, а поэтому шире и не сводится к более узкой и производной группе значений показателей экономической эффективности. То есть эффект диверсификации может быть понят и как получение желаемого результата посредством диверсификации, то есть некоторого соответствия результата целям диверсификации (экономические цели не сводятся к тем, которые отражены в показателях экономической эффективности), и как

оправданность диверсификации, обосновываемая положительностью эффективности использования ресурсов на диверсификацию. Второе понимание является внутренне противоречивым. Таким образом можно заключить, что в термине «эффект диверсификации» скрыт неявный оксюморон, который хотя и мог возникнуть случайно или неосознанно, но закрепился как вполне устраивающее пользователей обозначение одного из основных критериев управления риском. Это позволяет дать положительный ответ и на второй вопрос, предопределивший вторую задачу данного исследования.

Рассмотрим также и уже заявленный вопрос связи терминов «человеческий капитал» и «корпоративные финансы», рассмотрение которого связываем с возможностью получить качественный ответ в рамках решения третьей задачи.

Часто под капиталом понимают совокупность товаров, имущества, активов, используемых для получения прибыли, богатства; а в более узком смысле – источник дохода в виде средств производства (физический капитал). Под денежным капиталом понимают деньги, с помощью которых приобретается физический капитал. Человеческий же капитал представляет собой совокупность навыков, знаний и умений человека. Человеческий же капитал по Г. Беккеру – это совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, эффективное использование которых способствует увеличению доходов и других благ [1]. Человеческий капитал, – отмечают известные американские экономисты, – есть мера воплощённой в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врождённые способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию [14]. В обиходном истолковании под человеческим капиталом обычно понимается имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые способствуют росту производительного труда и влияют на рост доходов. Поскольку умственный труд (интеллектуальный труд) – это деятельность, связанная с оперированием информацией, её приёмом и переработкой, человеческий капитал можно приравнять к слову «труд», т. к. навыки, знания, умения – это умственный труд, используемый на предприятиях. Но если сравнивать труд и капитал как экономические категории, объединяющие в себе факторы производства, то это два противопоставляемых фактора производства, т. к. капитал – это овеществлённый труд, то есть что-то материальное, физическое, что выступает средством труда, которое можно применить в процессе приложения вышеупомянутого труда. Труд не имеет такого материального выражения, его лишь можно прилагать к физическому капиталу, воздействовать на него и использовать. Однако, современный работник долгое время прилагает труд к совершенствованию самого себя, пусть и не

овеществляя свой труд, но вооружая свою способность к труду компетентностями, знаниями и навыками, доведенными в той или иной мере до автоматизма. И поскольку он обретает трудовые рутинные в разрешении сугубо трудовых задач и функций (к осуществлению которых овеществлённый труд пока ещё не способен), то поэтому-то, в соответствии с гипотезой возникновения терминов-оксюморонов как выразителей сложных междисциплинарных предметных областей, и появляется термин «человеческий капитал».

Человеческий капитал, раз уж это капитал, должен относиться к составу объектов управления корпоративными финансами. Сами корпоративные финансы в свою очередь – это «экономические отношения, возникающие в процессе хозяйственной деятельности организации и касающиеся формирования, распределения и использования её денежных потоков» [13, с. 10]. Исходя из этого можно сделать вывод, что *корпоративные финансы* – в значительной мере является обобщающим термином, который обозначает собой все финансовые отношения, которые возникают у корпорации (предприятия). Но тогда и сами корпоративные финансы – это тоже скрытый оксюморон, поскольку они не названы «финансы предприятия» или «финансы корпорации» (как можно было бы ожидать, чтоб ориентация термина соответствовала определению), а они должны быть согласно названию именно *корпоративными* по своим признакам (а не месту проявления) финансами. Последнее следует пояснить тем, что предметная принадлежность объекту и референтная (и тем более коннотативная) качественность денотата обозначаются по-разному (сравните: способом варваров и варварским способом, содержание мотивации и мотивационное содержание, обязанности администрации и административные обязанности, отношения функций и функциональные отношения, и т. п.). Таким образом, ориентация термина «корпоративные финансы» противоречива: с одной стороны, это всё-таки финансы – эксплицитные отношения договора о формировании и расходовании фондов, то есть отношения, регулируемые рыночными институтами, – а с другой стороны, это корпоративные отношения, то есть имплицитные коалиционные отношения, декларирующие общую цель и потому регулируемые иерархическими институтами, которые доминируют внутри почти любого предприятия. Если предполагать, что ориентация термина корпоративные финансы верная и сам термин сконструирован верно, – и тогда следует отличать корпоративные финансы и финансы корпораций, – то получается, что обозначение «корпоративные финансы» должно означать либо внутрикорпоративные отношения по формированию и расходованию фондов (многообразие таковых

форм внутріорганізаційних фінансів показана в роботі [11]), або інститути, регулюючі внутрікорпоративну фінансову культуру, що також не лишено смисла (це показано в роботі [7]).

Названі два терміни, – людський капітал і корпоративні фінанси, – мають визначені пересічення в предметній області, оскільки обидва вказують на неразрешеність питань власності і праці, рутинного і творчого, орієнтації на ренту і орієнтації на виробництво. Весь цей комплекс питань актуальний зараз в економічній науці і виникнення і зникнення таких термінів потрібно, во-перше, сприймати як об'єктивний процес, а во-друге, як комплекс нерозривно пов'язаних проблемних питань, що і передбачає їх одночасне виникнення. В той же час, одночасно існування термінів «фінанси підприємства» і «корпоративні фінанси» також свідчить про поступову актуалізацію питань встановлення комплексних зв'язків предметної області фінансів підприємства з сусідніми предметними областями.

Висновки і шляхи подальшого дослідження.

В ході «міні-експертизи» («міні-» в силу свого глибоко якісного характеру) декількох пов'язаних термінів приходимо до висновку, що стійке розвиток, ефект диверсифікації, корпоративні фінанси, людський капітал – це терміни-оксюмори (тобто образне поєднання суперечливих один одному понять), які проявляють властивості оксюмору в різній ступені, але проявлення цих властивостей не перешкоджає їх використанню в сучасній науці з достатньо великою частотою, а також називати ними достатньо обширні предметні області. Априорно неумісними такі терміни, очевидно, не слід вважати, оскільки в економіці і раніше зустрічалися подібні парадоксальні позначення (наприклад, *чисті портфелі* або ж *общественная собственность*). Досліджували чи визначену мету створити дані казюхи катахрез, або ж діяли інтуїтивно, виражаючи свою неможливість розв'язати складне комплексне супереччя, – поки складно відповісти однозначно, але слід визнати, що як ефективне образне засіб оксюморон здатний не тільки привертати увагу, але і переорієнтувати і перефокусувати його. Результат може бути неоднозначним: спотворення значень, створення міфів, формування ілюзорних представлень; але і фокусування орієнтації і налаштування інтуїтивного сприйняття на ключове неразрешене актуальне супереччя.

Можливо зауважити, що одні і ті ж поняття в різних національних школах можуть мати термінологічне закріплення зовсім різними по якості варіантами закінчення, а розумівані ознаки показово

парадоксального закінчення можуть бути в одних національних школах явними, в інших неявними, а в третіх, взагалі відсутні. Крім термінологічне закріплення в понятійно-категоріальних апаратах на різних мовах з часом може змінюватися, – однак напрямлення таких змін поки не виявляється як закономірне, оскільки, наприклад, розбір ситуації з термінологічними варіантами «стійкого розвитку» на українській і польській мовах показав протилежне змінення явності ознак оксюмору в зміненні домінуючого в лексиці термінологічного варіанта. Подібна ситуація склалася з суперечливою динамікою частоти використання термінів «фінанси підприємства» і «корпоративні фінанси». Це дозволило висунути гіпотезу зрілості і готовності національних наукових колективів до розробки тих або інших наукових питань, але поки не дозволило її достовірно перевірити кількісно або виносити висновки про те, чи є ознаки незрілості національних термінологій.

Шляхи подальшого дослідження визначені поруч таких завдань першого порядку: розробкою системи ознак виявлення термінів-оксюморонів, розробкою системи показових урахування складу і якості таких термінів, проведенні експериментальної перевірки кореляції складу таких термінів з іншими ознаками наукового тексту і тексту проектної документації, створення моделі проведення експертизи обґрунтування наукових досліджень і заявок на їх фінансування як фундаментально невизначених в силу їх актуальності або ж в силу їх недобросовістності.

Література

1. Becker, Gary S. Human Capital. N. Y.: Columbia University Press, 1964.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: 1968. — С. 286.
3. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. — 416 с.
4. Брутланд Г.Х. Наше общее будущее. Доклад Комиссии ООН по окружающей среде и развитию. 1987. — М.: Прогресс, 1988. - С.50.
5. Давыдова Н. Устойчивое развитие города. Вопросы разработки стратегии / Н. Давыдова О. Тимофеева // Журнал муниципальная экономика – 2000. – №4. – С. 18-23.
6. Егорова Т. В. (сост.). Словарь иностранных слов современного русского языка: 100 000 слов и выражений. — М.: Аделант, 2014. — 800 с.
7. Корень Э. Н. Финансовая и административная культуры предприятия как отражение контрактационных и иерархических институтов общества / Э. Н. Корень, П. В. Кривоуля // Вісник Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. — 2008. — № 4 (122). — С. 100-107.

8. Коротченко Е. С. Визуальный аналог оксюморона. // Вопросы психологии. — 2006.
9. Костина Т.И. Основания концепции устойчивого роста / Т. И. Костина, Н. М. Мамедов // Молодой ученый. — 2011. - №7. Т.1. — С. 86 – 91.
10. Логунцев Е. Концепция устойчивого развития с позиций междисциплинарного подхода. // Городское управление. — 2000. - №11 — с. 24-32.
11. Організаційні форми внутрішньогосподарських фінансів : монографія / В. М. Гончаров, О. О. Кузнецов, П. В. Кривуля, Л. В. Кривуля. — Луганськ: Віртуальна реальність, 2013. — 270 с.
12. Семен Г. Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приёма парадокса / Г. Я. Семен. — Дисс. ...канд. филол. наук — Одесса: 1984. — С. 31
13. Старкова О. Я. Корпоративные финансы: учебное пособие. — Пермь: ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА, 2014. — С. 10.
14. Фишер С. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. Пер. с англ. 2-го изд. — М.: Дело, 2001. — 829 с.
14. Fischer S. Economics / Stanley Fischer, Rudiger Dornbusch, Richard Schmalensee. Publisher: McGraw-Hill Inc.,US; 2nd Revised edition edition (1 Jan. 1988), 813 p.

References

1. Becker, Gary S. Human Capital. N. Y.: Columbia University Press, 1964.
2. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh termi-nov. — M.: 1968. — S. 286.
3. Brandes M. P. Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs: Uchebnik. — 3-ye izd., pererab, i dop. — M: Progress-Traditsiya; INFRA-M, 2004. — 416 s.
4. Brutland G. H. Our Common Future. Doklad Komissii OON po okruzhayushchey srede i razvitiyu. 1987. — M.: Progress, 1988. — S. 50.
5. Davydova N. Sustainable development of the city. Strategy Development issues / N. Davydova, O. Timofeyeva // Zhurnal munitsipal'naya ekonomika — 2000. — №4. — S. 18-23.
6. Yegorova T. V. (sost.). Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka: 100 000 slov i vyrazheniy. — M.: Adelant, 2014. — 800 s.
7. Korenev E. N. Financial and administrative enterprise cultures as a reflection of contractual and hierarchical social institutes / E. N. Korenev, P. V. Krivulia // Visnyk of Volodymyr Dahl National Ukrainian University. — 2008. — № 4 (122). — p. 100-107.
8. Korotchenko Ye. S. Vizual'nyy analog oksyumo-rona. // Voprosy psikhologii. — 2006.
9. Kostina T. I. Foundations of the concept of sustainable growth / T. I. Kostina, N. M. Mamedov // Molodoy uchonyy. — 2011. — №7. Т.1. — С. 86 – 91.
10. Loguntsev Ye. Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya s pozitsiy mezhdistyplinarnogo podkhoda. // Go-rodskoye upravleniye. — 2000. - №11 — с. 24-32.
11. Organizational forms of internal corporate finance: monograph / V. M. Goncharov, O. O. Kuznetsov, P. V. Krivulia, L. V. Krivulia. — Lugansk: Virtualna real'nist', 2013. - 270 p.
12. Semen G. Ya. Linguistic nature and the functioning of the stylistic paradox technique / G. Ya. Semen. — Diss. ...cand. filol. nauk — Odessa: 1984. — S. 31.
13. Starkova O. Ya. Corporate Finance: study guide. — Perm' FGBOU VPO Permskaya KHSKHA, 2014. — S. 10.

Кривуля П.В., Бородавка Н.Г., Омельченко А.М. Явні і неяви терміни-оксюмори як приклад показово парадоксального термінування у складних та еkleктичних предметах дослідження сталого розвитку, людського капіталу, поведінкових та корпоративних фінансів

Висунуто та аргументовано наукову гіпотезу про можливість ідентифікації рівня розвиненості і еkleктичності сучасних предметних областей за ступенем представленості понятійно-категоріальних апаратів цих предметних галузей термінами-оксюморонами. Особливу увагу приділено предметним галузям, які безпосередньо названі такими термінами. За приклад було обрано предметні галузі сталого розвитку, корпоративних фінансів, людського капіталу, організаційної синдінки, та деякі суміжні з ними, які формуються в даний час.

Ключові слова: корпоративні фінанси, оксюморон, термінологія, сталий розвиток, людський капітал.

Krivulia P. V., Borodavka N. G., Omelchenko A. N. Explicit and implicit terms-oxymorons as an example of significant paradoxical termination of complex and eclectic research subjects: sustainable development, human capital, behavioral and corporate finance

The scientific hypothesis about the possibility of identifying the level of development and eclecticism of modern subject areas according to the degree to which the oxymorons terms are conceptually categorical apparatuses of these subject areas was put forward and argued. Special attention is paid to subject areas that are directly referred to by such terms. The examples are the currently emerging subject areas of sustainable development, corporate finance, human capital, organizational syndics, and some related ones.

Keywords: corporate finance, oxymoron, sustainable development, terminology, human capital.

Кривуля П. В. — к.е.н., доц. кафедри економіки та підприємництва Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (м. Северодонецьк)
Бородавка Н. Г. — студент спец. 051- Економіка Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (м. Северодонецьк)
Омельченко А. Н. — студент спец. 051- Економіка Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (м. Северодонецьк)

Рецензент: д.е.н., проф. **Чернявська Є. І.**